

DOI: 10.2298/MUZ1620053K

UDK: 78.071.1 Гандшин Ж.

78.071.1 Англес И.

327(4)“1930/1940”

“Быть одновременно и сильным и цивилизованным – очень трудно...” Музыковеды о политике: Жак Гандшин и Ижини Англес, из писем 1930-х годов

Жанна Князева¹

Российский институт истории искусств, Санкт-Петербург

Abstract

This article is based on the correspondence between two important European musicologists of the second quarter of the 20th century, Jacques Handschin and Higinì Anglès. I analyse the political problems discussed in these letters as well as the influence of the political beliefs of the both scientists on their scientific concepts.

Keywords

Jacques Handschin, Higinì Anglès, correspondence, 1930s, musicology, politics

Предлагаемая статья основана на материалах переписки двух крупных европейских музыковедов второй четверти XX века – Жака Гандшина и Ижини Англеса; статья рассматривает лишь один аспект и один временной отрезок этой переписки, а именно, – содержащиеся в письмах 1930-х годов высказывания ученых по вопросам актуальной тогда политики.

Конечно, оба музыковеда не были политологами, и их суждения по этому вопросу не профессиональны.² Однако размышления ученых о происходившем вокруг дают нам шанс взглянуть на эпоху глазами ее интеллектуалов. Кроме того, эти размышления позволяют выявить некоторые непрофессиональные убеждения двух крупных музыковедов-историков, – увидеть их страхи, надежды, изучить их мнения, их реакцию на известные политические события 1930-х, – что помогает лучше понять их как мыслителей. При этом субъективность высказывания (в

¹ jeanna.kniazeva@mail.ru

² Хотя в ситуации с Гандшиным этот вопрос не столь однозначен. В молодости он изучал в Университетах Базеля и Мюнхена, среди прочего, историю и национальную экономику. Поэтому его взгляд на политические вопросы эпохи не был в полном смысле дилетантским. Похоже, и сам ученый не считал себя дилетантом в этом вопросе: ранее (в 1919–1921 гг.) он опубликовал целый ряд аналитических статей о Первой мировой войне и событиях большевистской революции в России. (Князева 2011с).

письме к другу, – жанре, как правило, спонтанном и доверительном) оказывается повышено информативна: она приоткрывает сферы, обычно скрытые для анализа.

Однако дело не только в частных убеждениях. И Гандшин и Англес в 1930-е годы имели прямое отношение к крупным научно-организационным структурам, оказывали влияние, а то и определяли политику этих структур. Речь идет о столь важных для академического музыковедения институтах, как Международное Музыковедческое Общество (IMS, вице-президентом которого с 1933 по 1958 гг. был Англес, а Гандшин в 1936–1949 гг. входил в Директорию) и музыковедческий семинар Базельского университета (которым Гандшин руководил в 1935–1955). Частные высказывания, таким образом, становятся серьезным материалом к истории музыкознания в столь сложную и драматичную эпоху, каковой были 1930-е годы.

Жак Гандшин и Ижини Англес стали тогда свидетелями, а то и участниками, колоссальных исторических событий. Это конец (печальный исход) Веймарской республики – и официальное вступление в силу, мощный подъем нацистского режима в Германии. А равно и все связанные с этим события, среди которых – раскол в среде интеллектуалов (на сторонников и противников новых германских властей), бегство многих немецких ученых в Швейцарию, Англию и США. Однако важны не только события в Германии. В 1930-е годы резко возросло напряжение во Франции, как внутри страны (в связи с укреплением там левых сил и созданием Народного фронта), так вокруг нее, поскольку военная мощь победительницы в Первой мировой войне (мощь иллюзорная, как скоро выяснилось) казалась тогда несокрушимой – и пугала в ситуации видимой угрозы коммунистического переворота в этой стране. На востоке же простирался бескрайний Советский Союз. По словам одного из лидеров эпохи, Уинстона Черчилля, “две тоталитарные империи (Германия и СССР – Ж. К.), в равной мере не желавшие сдерживающих моментов морального свойства, стояли друг напротив друга вежливые, но неумолимые” (Черчилль 2010b: 585). Разразившаяся в середине десятилетия, ужасающая по своей жестокости гражданская война в Испании стала началом собственно военных потрясений. Мир вступил в период “сумерек войны”, и как писал тот же Черчилль, “звук набата уже почти висел в воздухе” (Черчилль 2010a: 306).

Как и в какой степени наши герои оказались причастны историческим событиям эпохи? Несколько слов о каждом из них.

Органист и музыковед Жак Гандшин (Jacques Handschin; 1886, Москва – 1955, Базель) переехал в 1920 г. из России, где он родился, вырос и с 1909 по 1920 г. руководил органом классом

Санкт-Петербургской консерватории³ – в Швейцарию. В Швейцарии Гандшин стремительно (в 1921 и 1924 гг.) защитил две диссертации (обе по западной музыкальной медиевистике). Ему пришлось расстаться с карьерой органиста-виртуоза, отчасти из-за прогрессировавшей болезни рук, отчасти из-за изменения ракурса интересов: отныне он целиком посвятил себя науке, и оказался в этой области не менее успешен, чем в концертном исполнительстве. В 1935 г. после кончины Карла Нефа Гандшин стал ординариусом, т.е. возглавил музыковедческое отделение (музыковедческий семинар) Базельского университета. Он оставался в этой должности до конца жизни, т.е. до осени 1955 г. За годы научной работы Гандшин опубликовал множество трудов в самых разных сферах музыкознания, на нескольких европейских языках (Stroux 1962) и завоевал огромный авторитет в научном мире. Этот авторитет не пошатнулся и поныне: сегодня Гандшина относят к крупнейшим представителям академического музыковедения XX века,⁴ а последние годы принесли отчетливый подъем интереса к научному наследию этого выдающегося российского швейцарца.⁵

В интересующую нас эпоху Гандшин жил и работал в нейтральной Швейцарии, относительно (но лишь относительно) незатронутой мировыми потрясениями. С середины 1930-х гг. он, будучи главой базельского музыковедческого семинара, обладал влиянием и даже некоторыми (пусть небольшими) финансовыми возможностями. В сложившейся после 1933 г. обстановке, это был сложный и в высшей мере ответственный пост. Ведь именно немецкоязычному Базелю выпала тогда задача держать уровень свободной, открытой международным контактам немецкоязычной науки. Нужно было умудриться пройти между несколькими опасными “огнями”: принять хлынувших из Германии беженцев – коллег и студентов (или, по крайней мере, оказать им содействие в дальнейшем пути на Запад), не потерять при этом собственного своеобразия (не раствориться в потоке немецких интеллектуальных сил) и еще поддерживать контакты с иными школами, с англо- и франкоязычными коллегами. При

³ О российском периоде жизни и творчества Гандшина см. Kniazeva 2011.

⁴ Сошлось в данном случае на мнение столь крупных представителей современного западного музыкознания как профессора Райнхард Стром (Strohm; Гамбург/Оксфорд) и Герман Данузер (Danuser; Берлин), высказанное в беседах с автором этих строк весной и летом 2014 года. Запись этих бесед сейчас готовится к публикации на страницах *Временника РИИИ*.

⁵ Укажу на исследования М. Майера (M. Maier; Берлин), М. Кирнбауэра (M. Kirnbauer; Базель), Х. Циммерманн (H. Zimmermann; Базель), А. М. Буссе Бергер (A. M. Busse Berger; Дэвис/Берлин). Полная библиография современной гандшинианы будет приведена в сборнике *Жак Гандшин и музыковедение XXI века*, который в настоящее время готовится к совместному изданию в Петербурге и Базеле.

этом Швейцария всегда была и оставалась нейтральной страной, и сотрудничества с официальной наукой гитлеровской Германии тоже никто не отменял.

Гандшин возглавлял всю эту работу.⁶ Он был в контакте (переписке) с коллегами-представителями самых разных стран и, кажется, всех сторон политического, а затем военного конфликта. Среди его учеников (и корреспондентов) были еврейские беженцы из Германии (в недалеком тогда будущем – крупные американские музыковеды) Манфред Букофцер (Bukofzer) и Отто Гомбози (Gombosi). С другой стороны, кругу корреспондентов Гандшина принадлежал ныне скандально известный музыковед Хайнрих Бесселер (Besseler), сторонник нацизма, член НСДАП.

Среди корреспондентов Гандшина был и испанский священник и музыковед Ижини Англес, пытавшийся (как истинный служитель церкви) “стоять над схваткой” в столь драматичной ситуации.

Ижини Англес (Higini Anglès; 1888, Маспужолс близ Таррагоны, Каталония –1969, Рим) всю жизнь служил Святому Престолу: он принял сан в 1912 г., а уже после Второй мировой войны (в 1948) был призван в Рим, где возглавил Папский институт церковной музыки (Istituto Pontificio di Musica Sacra) и руководил им до своей кончины.

В предшествующий, барселонский, период своей жизни, Англес работал сотрудником (с 1917), а затем руководителем (с 1944 по 1958) Музыкального отдела Национальной Библиотеки Каталонии. Как и полагается истинному каталонцу, ученый был патриотом своего отечества; при этом в научной деятельности он нередко оказывался первым: Англес первым сделал крупные публикации образцов старинной испанской музыки и их анализа. Эти работы и сегодня имеют огромную ценность для специалистов в данной области и входят в базу музыковедческого образования в Испании.⁷ В 1943 г. Англес стал основателем и первым директором первого Испанского Института музыкознания (Instituto Español de Musicología del CSIC [Consejo Superior de Investigaciones Científicas]). Первым из испанских музыковедов Англес получил и международное признание: как уже указано, он долгие годы входил в директорию IMS, на протяжении двадцати пяти лет был его вице-пре-

⁶ Его размышления о задачах современной тогда швейцарской науки см.: Hand-schin 1957. Анализ деятельности Гандшина на посту главы базельского музыковедческого семинара дан в статье Kirnbauer, Zimmermann 2000.

⁷ Назову две крупнейшие монографии Англеса: *El Còdex Musical de Las Huelgas* (Anglès 1931) и *La música de las Cantigas de Santa María del Rey Alfonso X el Sabio* (Anglès 1943–1964). Обзоры музыковедческой деятельности Англеса предлагают статьи: Cisteró, L., J. M^a 1999, Bernadó 2001.

зидентом. Сегодня Ижини Англес считается одним из основоположников испанского академического музыковедения, имя его высоко почитается в кругах далеко не только специалистов по музыкальной иберистике.

Два момента существенны для понимания Англеса как ученого. Во-первых, музыковедению он учился в Германии, у крупных представителей старшего поколения немецких музыковедов-историков, Виллибальда Гурлитта (Gurlitt; в 1923–1924 гг.) и Фридриха Людвиг (Ludwig; в 1928 г.). С этих ученических пор Англес навсегда привязался к немецкой культуре и самой стране, стал убежденным адептом немецкой научной школы. Он хорошо овладел немецким языком и вел переписку с немецкоязычными коллегами только по-немецки. Англес питал огромный пиитет перед немецкой научной школой и, невзирая ни на какие политические повороты и катаклизмы эпохи, всегда имел в Германии массу дружеских контактов.

Второй момент состоит в том, что, несмотря на национальную ориентированность Англеса–ученого, его всегда интересовала *международная* организаторская деятельность. Англес был убежденным сторонником развития интернациональных структур в организации науки. Одним из его деяний в этом направлении стал ныне знаменитый музыковедческий конгресс 1936 года в Барселоне.⁸

Обратимся теперь к переписке ученых. Эта переписка хранится сегодня в двух архивных собраниях: 1) Оригиналы писем Гандшина и несколько черновиков писем Англеса (общим числом 76 единиц) – в Барселоне, в фонде Ижини Англеса (Музыкальный отдел Национальной Библиотеки Каталонии),⁹ 2) Письма Англеса и машинописные копии писем Гандшина (общим объемом 142 единицы) – в Институте музыкознания Университета Вюрцбурга (Германия).¹⁰ Лишь недавно (в 2014 г.) впервые сведенная воедино и каталогизированная, переписка насчитывает 182 письма за период с 1926 по 1954 год. Ни один документ из этой коллекции пока не опубликован.¹¹

⁸ На последней всемирной встрече IMS в Риме (2012) барселонскому конгрессу 1936 г. даже посвятили специальное заседание (круглый стол), в котором приняли участие исследователи из многих стран; организаторами дискуссии выступили Х. Каррерас (Испания) и К. Эррендейл (Великобритания).

⁹ Fons Iginí Anglès: Correspondència. Biblioteca de Catalunya. Secció de Música, M 7084/74; далее: ВС.

¹⁰ Institut für Musikwissenschaft der Universität Würzburg. Jacques Handschin Nachlass, В 1/21; далее: НН.

¹¹ Рабочий каталог этой корреспонденции хранится (в электронном виде) у автора данной статьи; его публикация (наряду с каталогами других корреспонденций) планируется на страницах монографии, посвященной эпистолярному наследию Жака Гандшина, работа над которой в настоящее время ведется в РИИИ.

Изучая эти письма, следует постоянно иметь в виду, что мы наблюдаем в них диалог двух, хотя и длительное время друживших, но, по-человечески очень разных людей. Англес, – убежденный служитель церкви, со склонностями к католической святости. Главным делом его жизни была помощь людям. При этом терпение и смиренность нрава Англеса почти безграничны. (Возможно, в непростых ситуациях ему помогали крепкие корни семьи: ученый был выходцем из сельской Каталонии, и Гандшин писал как-то о “добром крестьянском стиле” Англеса (Handschin – Besseler 11.02.46). Однако как живой человек Англес явно тяготел к ипохондрическому типу: постоянно хворал, жаловался на слабость здоровья (и тем не менее, пережил Гандшина на немалых четырнадцать лет).

Жак Гандшин – совсем иной тип. В “первой” (русской) жизни – концертный виртуоз, звезда имперской столицы, познавший вкус славы и успеха у публики. При этом – молодой и смелый позитивист–антиромантик, стремившийся все проверить любимой им математикой (яркий талант к которой он унаследовал от базельских предков). А затем, в Швейцарии, “вдруг” – рассеянный кабинетный ученый, профессор, который, бывало, в самый неподходящий момент целиком уходил в свои мысли, теряя контакт с аудиторией. К тому же в поздние годы (возможно в силу пережитых в связи с отъездом из России потрясений) – человек крайне нервозный, мнительный, вечно и всюду подозревавший интриги и козни против себя.

Что объединяло этих столь разных людей и удерживало их диалог на протяжении почти тридцати лет? Первое знакомство со всем корпусом документов показало несколько сквозных тем. Это, прежде всего, наука (в нескольких аспектах) — а также актуальная политика: коллеги и старые друзья делились друг с другом впечатлениями и размышлениями о происходящем вокруг, рассказами о личных событиях в водоворотах эпохи.

Музыковед-историк Пауль Ланг (общий знакомый и Гандшина и Англеса), беженец 1930-х годов из Германии, писал о науке Германии тех лет:

[...] (Новое поколение) нашло себя не в лоне традиционной немецкой науки, спокойно занимавшейся своими исследованиями, а в центре бурлящего мира, и оно не могло остаться нейтральным. Крупные ученые, еще недавно считавшие науку важнее всего в мире, теперь поки-

дали солидные основы учений и ступали в направлении, что вело по опасным зыбучим пескам. Политики уже не были в науке чужаками. И если в былые времена ученых занимала чистая научная мысль, то теперь страсти и предрассудки встречались на каждом шагу. Золото мира превратилось в грязь, а равно – в небылицу. Многие, отнюдь не только изгнанники, пытались защитить чистоту и свободу мысли от духа, который между двух мировых войн постепенно трансформировал благородную интеллектуальную традицию старой Германии в арену антиинтеллектуальных политических схваток. Научная “башня из слоновой кости” уже более не являла собой святилища, но стала местом сражений. Подобно древнему божеству, Германия пожирала свое собственное потомство (Lang 1956).

Мысль о крайней политизированности науки 1930-х годов справедлива не только по отношению к Германии. Открытость политическим ветрам затронула в те годы, пожалуй, весь европейский научный мир, хотя и проявилась по-разному. Швейцария несла сложное бремя ответственности за судьбы немецкоязычной науки. Наука же Испании, после первых надежд на республику, уже в середине десятилетия оказалась изувеченной, почти погребенной под руинами страны, раздираемой гражданской войной.

Тем не менее, в переписке Гандшина и Англеса политическая тема долгие годы не затрагивалась вообще, и веймарский период прошел словно бы незамеченным. Да и впоследствии эта тема обсуждалась учеными хоть и активно, но никогда пространно. Мы видим в их письмах не развернутые размышления (как, например, о делах научных), но россыпь кратких реплик. Это понятно, ведь в столь сложное время даже близкие друзья могли оказаться сторонниками разных точек зрения. Поэтому, ценя отношения, лучше было не рисковать.

Первым «звонком», пробудившим политическую тему в переписке, стал приход республики в Испании в апреле 1931 г. Жак Гандшин – давно интересовавшийся политикой и к тому же переживший в Петрограде потрясения 1917 г. – теперь проявлял живой интерес в ходу испанских дел. *“Вы довольны йереворотом в Исйании?”* – спрашивает он Англеса (в самом конце длинного письма и словно бы невзначай) весной 1931 г. (Handschin – Anglès 31.05.31). Обратим внимание, Гандшин пишет “переворот”, а не “республика” (хотя, как известно, республиканцы пришли к власти в Испании в результате легитимных выборов). Вероятно, воспоминания о Российской советской социалистической республике не стерлись в его памяти, и такой поворот исторических событий есть для него “переворот”.

Ответ Англеза спокойный. На его взгляд, ничто не предвещает беду:

Мы были очень довольны приходом республики. Мы надеемся, что со временем все успокоится, и у нас будут твердая песета и хорошая культура (Anglès – Handschin 31.05.31).

Англес и правда настроен оптимистически, он верит в грядущее успокоение и национальный подъем. И в обстановке фатально нарастающего в стране напряжения и наступающего со всех сторон хаоса, он (бесконечно уговаривая и успокаивая приглашенных коллег) проводит в апреле 1936 г. упомянутый выше всемирный конгресс IMS. А в июле, – когда ученый отдыхал в родной Таррагоне от треволнений только проведенного им масштабного научного мероприятия и поправлял вечно шаткое здоровье – в Испании грянула гражданская война.

Как известно, республиканцы всегда были настроены очень антиклерикально. Но то, что они творили со священнослужителями с начала войны, просто неопишимо. Потрясенный происходящим и буквально спасая свою жизнь, Англес бежал (по некоторым данным, пешком, по малым сельским дорогам, передевшись торговцем скотом) сначала во Францию, а затем уже поездом в Германию. После некоторых первых проблем с устройством (известно, что нацисты тоже не жаловали священников) Англес нашел себе приют в одном из монастырей Мюнхена. Благодаря помощи и поддержке немецких коллег он смог остаться в Германии, дабы переждать испанские события.

Ученый оплакивал ситуацию на родине:

Я по-прежнему мрачен и подавлен ужасными новостями из Испании. Бедная страна! Все рушится и гибнет. Я редко получаю вести из Барселоны (Anglès – Handschin, s.a. [1936?]).

Испанская война продолжается; все гибнет, и люди, живущие на территориях, занятых красными, страдают и умирают от голода и нужды (Anglès – Handschin 15.12.38).

Однако уже скоро воспитанная в нем немецкая дисциплина мысли и стоицизм священнослужителя сделали свое дело, и Англес нашел в себе силы вернуться к науке. Контакт с отвоёванной франкистами (Англес называет их “Nationalen” – “национальные силы” (Ibid.) частью Испании дал ему возможность получить микрофильмы музыкальных рукописей и начать работать с ними (Ibid.).

Забегая вперед, скажу, что в Испанию Англес вернется через три года, в 1939, когда закончится гражданская война. Он будет измучен и потрясен. Однако собственно на этом период великих

катастроф для него закончится. Взглянув на деяния республики (которой, как мы видели, он поначалу симпатизировал), Англес станет убежденным сторонником генерала Франко и прекрасно впишется в его режим. Испанское отечество, усмиренное диктатурой, со своей стороны, признает заслуги ученого и будет всячески поддерживать его деятельность. Благодаря этому в трагические для многих 1940-е годы Англес окажется вне Второй мировой войны.¹² И период, потрясший, а то и погубивший немало его коллег, для него самого станет благополучнейшим временем, – периодом расцвета его научной деятельности в Испании.¹³

Однако вернемся в поздние 1930-е годы, к диалогу с Гандшиным. Очевидна особость положения обоих ученых в тот период. После возвращения Англеса на родину, можно сказать, что наступавшую, а затем и вспыхнувшую Вторую мировую войну они оба наблюдали из незатронутых ей впрямую стран: из нейтральной Швейцарии и закрытой франкистской Испании. Однако при этом ученые не остались неприкосновенны, ведь к тому времени оба уже хорошо знали, что такое *beḡṣṡivo*. Гандшин тоже пережил эмиграцию (еще в 1920 г. из России; и он потерял, вследствие испытанного тогда, обоих своих детей, – страшная плата за прежний, необоснованный политический оптимизм).

Обратимся теперь к нему. Каковы были взгляды Гандшина на испанские события середины и конца 1930-х годов?

С началом войны в Испании Гандшин страшно обеспокоился за коллегу: «Дорогой друг, [...] поскольку я мало читаю газеты, то не знал, в какой Вы опасности [...]» (Handschin – Anglès 13.10.36). Гандшин помогает Англесу, чем может, устраивает ему (крайне нуждавшемуся тогда в деньгах) лекции в Базеле. В дни этих лекций Англес живет у него дома.

Гандшин следит за испанской ситуацией, знаком с деталями. Например, в сентябре 1938 г. он размышляет:

[...] я часто думал о Вас, ведь в Испании все так ужасно долго тянется. Возможно, все бы было скорее, если бы Санхурхо остался в живых. Франко кажется образцом мужчины, т.е. он мог бы стать королем, однако не таким как Наполеон (который в свою очередь не подходил к роли императора) (Handschin – Anglès 11.09.38).

¹² Как известно Франко так и не вступил в войну, бесконечно затягивая этот вопрос – и приводя тем самым Гитлера в неистовство.

¹³ В 1941 г. Англес стал членом Каталонского научно-исследовательского Института (Institut d'Estudis Catalans), а в 1943 г. членом Академии изящных искусств (Real Academia de Bellas Artes de S. Fernando) в Мадриде. Тот же 1943 год ознаменовался открытием Испанского института музыковедения (напомню: основателем и первым директором которого был Англес), и основанная им еще в 1941 г. издательская серия «Памятники испанской музыки» стала с этого года выходить под грифом Института.

Ученый упоминает здесь имя Санхурхо. Это именно тот политический и военный деятель, который намеревался стать диктатором постреспубликанской Испании (а отнюдь не Франко), однако, погиб в загадочной авиакатастрофе. Судя по данной реплике, Гандшин симпатизировал Санхурхо, вероятно, видя в нем масштабную и сильную личность, способную к действию – способность, которую Гандшин крайне ценил в политиках (и которая в свое время привела его даже к временному сотрудничеству с большевиками (См.: Князева, Михайлов 2011). А вот диктатор Франко для Гандшина – хоть и “образец мужины”, однако мелок для императора, как даже и сам Наполеон! Остается загадкой, кто же был для Гандшина образцом императора, и из чьей истории он брал этот образец.

В период “сумерек войны” в письмах наших героев и их размышлениях о происходящем вокруг можно различить три постоянных мотива, имеющие географические имена. Это Франция, Германия и Россия.

Англес приписывал всю вину за испанскую трагедию коммунистам, и в частности влиянию Франции (в которой, напомню, были сильны позиции левого Народного фронта). Он писал Гандшину: “Испанская война с самого начала – никакая не гражданская, а интернациональная. И вина Франции в этом велика!” (Anglès – Handschin 12.01.37).

Гандшин также не питал (точнее, более не питал) симпатий к коммунистам (ведь они лишили его первого отечества, России). Однако тут же между учеными возникают разногласия. Российский франкофил Гандшин¹⁴ категорически не желал разделять антифранцузских настроений Англеза; он писал: “[...] я все же никогда не подпишусь под часто произносимым [подч. авт. – Ж. К.] сегодня ‘это Франция всему виной’” (Handschin – Anglès 12.01.37). По его убеждению, ненавистные коммунисты натворили бед и во Франции. И он убежден, что германский Рейх совершает огромную ошибку, “заигрывая” с новейшими политическими силами Франции и противопоставляя себя “национально ориентированным французам” (как их называет сам ученый, и кому он всемерно сочувствует).

Так возникает еще одна общая для обоих ученых тема: чужая (в смысле, не родная), однако не чуждая обоим Германия.

Англес ни при каких условиях не терял контакта с этой страной, ставшей ему второй родиной. Пока мне не удалось найти его высказываний о новом германском режиме. Англес был предельно

¹⁴ См. об этом подробнее: Kniazeva 2004

осторожен, пользуясь гостеприимством приютившей его в трудную минуту страны, а позднее – питая благодарность за это. Но и в принципе, он всегда на стороне Германии. (Так же как Гандшин всегда на стороне Франции). Замечу, что столь долгое (и практически деятельное¹⁵) отношение позже принесло Англесу свои плоды: уже после войны он был награжден государственными наградами Германии за заслуги перед этой страной и культурой.

У Гандшина отношение к Германии сложнее. Он швейцарец, и немецкий язык – его первый родной язык. К тому же, будучи учеником Макса Регера и Карла Штраубе, он тоже чувствовал себя причастным немецкой школе. Однако родная ему Россия и любовь к Парижу (тоже окрашенная серьезностью российского франкофильства) иначе сформировали сознание. Что мы видим в его письмах середины 1930-х годов о Германии, – в период, когда многое в мире уже произошло, многое уже почти ясно?

В 1936 г. Гандшин пишет Англесу: “Стоит признать, что в области политики немцы многое делают правильно” (Handschin – Anglès 13.10.36). Можно предположить, что ученый здесь имеет ввиду усиление государства при нацистах. Гандшин – убежденный государственник еще со времен российской молодости. И даже опыт страны советов не изменил этой его убежденности. Тем не менее, в отношении к Рейху много “но”. Они вновь связаны с Францией. Гандшин пишет почти с возмущением:

Даже в науке будь то бы только германское должно быть важным и интересным; в школах французский язык заменяют английским; а благодаря чему Германия стала в культурном отношении великой, как не благодаря постоянному оплодотворению и диалогу с французской культурой? (Handschin – Anglès 12.01.37).

Он дистанцируется от коллег, слишком, на его взгляд, увлекшихся новыми германскими идеями (“Бесселер пригласил меня в Берлин; но мне не хочется [ехать]; этот экстремист наоборот, тоже мне не симпатичен” (Ibid.)). А пользуясь положением нейтрального швейцарца (и чувствуя свою силу в Базельском университете), он и самому Бесселеру пишет о том же и с той же эмоциональной интонацией:

Зачем только в области гуманитарных наук такое бесконечное подчеркивание всего немецкого, будто бы оно особенно интересно и существенно? Как много интересного и существенного мы можем почерпнуть как раз из истории романских народов, именно в плане их большого отличия! (Handschin – Besseler [??].03.37).

¹⁵ В послевоенные годы Англес немало усилий приложил для возвращения немецких ученых-музыковедов, отвергнутых после войны международным научным сообществом (в т.ч. Х. Бесселера), в мировой научный процесс.

Еще в 1936 г. в письме к Англесу Гандшин завершает свои изложенные в том послении размышления о современной Германии и остальном европейском мире словами: “Нам нельзя в такой мере отдаляться от старых источников европейской культуры”. И резюмирует: “Быть одновременно и сильным и цивилизованным, кажется, очень трудно (Подч. авт. – Ж. К.)” (Handschin – Anglès 13.10.36).¹⁶

Ясно, что один из главных “старых источников европейской культуры” для Гандшина, – это Франция, а еще точнее – старая, традиционная Франция (к современным французским левым у него тоже нет симпатий).

Однако для Гандшина есть и другой несомненный компонент этой культуры, еще один ее старый источник, – это Россия. В письмах Англесу Гандшин неоднократно сравнивает испанские события с теми, свидетелем которым он был в 1917–1920 годах в России, и замечает: “И все же в Вашей стране все наладится скорее, чем в России” (Handschin - Anglès, 30.05.38). А позже, осенью 1942 г., наблюдая ужасы на немецком восточном фронте, – блокаду любимого им Петербурга/Ленинграда, но уже и разгром немцев под родной ему Москвой, – он будет размышлять: “[...] Но как пойдут дела в моем первом отечестве? От этого многое зависит, не только лично для меня...” (Handschin – Anglès 15.09.42).

Как это ни странно, но в “русской теме” Гандшина конца 1930-х годов есть даже событийный ряд. Недавно (и именно по его переписке с Англесом) выяснилось, что осенью 1938 г. (т.е. всего за год до начала мировой войны, когда она уже буквально “висела в воздухе”) Гандшин предпринял немислимое путешествие. Возможно в предчувствии того, что многое вскоре изменится, а что-то и безвозвратно исчезнет, он из Базеля отправился... на остров Валаам! 11 сентября 1938 г. Гандшин писал Англесу:

Я сейчас в пути из Базеля в Берлин. Еду через Ригу – Ревель – Гельсингфорс в один русский монастырь на Ладожском озере (Валаам). А оттуда домой, наверное, через Уппсалу (Handschin – Anglès 11.09.38).

Прочитав это известие, Англес пришел в ужас. (Можно представить, что для него, каталонца, Валаам вообще был почти “за краем света”):

---

¹⁶ Похоже, Гандшин не впервые для себя приходит к такому выводу. Возможно, не осознанно для него самого, в этом высказывании резонируют его прежние слова о большевистской диктатуре в России. Тогда (еще в 1919 г.), размышляя об успехах пришедших к власти сил, он писал: “Остается, лишь сожалеть, что группа, показавшая себя наиболее дееспособной, оказалась одновременно самой убогой по культуре и образованию” (Handschin 1919).

Ужасная война уже стояла у порога, а Вы осмелились на путешествие в столь дальние края! (Anglès – Handschin 15.12.38).

Сюжет с этой поездкой Гандшина на Валаам еще ждет своего исследования.¹⁷ Пока отмечу лишь тот, вытекающий из этой информации факт, что Россия¹⁸ всегда была – и оставалась даже в столь сложные времена – так сказать, на географической карте Гандшина, в том числе в поле его реальных перемещений. Она была частью его жизни и неотъемлемо входила в те самые “старые источники” европейской культуры, отдаляться от которых этой культуре, по его убеждению, опасно, и без постижения которых невозможно понимание самой этой культуры. Много ранее, еще на заре 1920-х годов он писал:

Россия нужна Западной Европе, как Европа нужна России. Все более зловещие экономические перспективы (если упомянуть только их), в значительной степени, – следствие подрыва контактов с Россией. Это показывает, что нельзя безнаказанно отделять одну часть единого организма от другой. Или считается, что Россия не составляет единства с Европой, а принадлежит Азии? Так может говорить только тот, кто не знает России и всего хода европейской истории (Handschin 1921).

Размышления о России и ее сложной вплетенности в европейскую историю резонируют в поздние 1930-е годы еще в одном аспекте мысли Гандшина. В уже цитированной выше переписке тех же лет с Г. Бесселером Гандшин размышляет об одном сложном и тонком понятии:

признаюсь, что как историк, я изначально не могу рассматривать народный принцип [нем.: “das völkische Prinzip” – один из ведущих культурологических терминов нацистов – Ж. К.] как доминирующий. Интереснее мне представляется понятие “взаимозависимости традиций” [нем.: Traditionszusammenhang – Ж. К.]. Нация, понятая как Traditionszusammenhang, – больше чем народ (Handschin – Besseler 09.05.37).

В этих словах мы встречаем немецкоязычный термин “Traditionszusammenhang”. Думается, о нем стоит сегодня вспом-

¹⁷ Пока можно лишь предположить, что Гандшина влекла на Валаам монастырская библиотека. Возможно, он надеялся найти там певческие рукописи конца XIV-начала XV веков из старого монастырского собрания (утраченного, как сегодня предполагают исследователи, после разорения монастыря шведскими войсками еще в 1611 г.). О судьбе библиотеки Валаамского монастыря и ее рукописях см.: Охотина-Линд 1996а, 1996б.

¹⁸ Точнее то, что Гандшин ассоциировал с Россией, ведь Валаам осенью 1938 г. юридически принадлежал независимой Финляндии.

нить: он помогает нам выйти за рамки национальных (а, следовательно, политических) интересов и допускает важный ныне *региональный* момент, не суживая при этом общего дискурса.

Для Гандшина эта *взаимо-связь*, взаимозависимость традиций важна. Мы видели, что в основе *западноевропейского* для него лежит (старо)французское. Но при этом Гандшин не отождествляет “западноевропейское” и собственно “европейское”. Позже (в 1948 г.) он издаст свою “Историю музыки” (Handschin 1948), и сразу же задумает второе ее издание, с расширенной главой о музыкальной Византии. Но и в первом (так и оставшемся единственным) издании он называет эту главу “Европейский восток” и большую ее часть посвящает рассказу о великолепии и глубине русской музыкальной традиции, уже на третьей странице цитируя Пушкина (*ibid*: 137).

В именно таким образом выстроенной картине мира для Гандшина-ученого заключена подлинная Европа, европейская “взаимосвязь традиций”, определяющая неповторимый облик этой культуры, как и ее исторический путь. И в этом – особенность интонации “западного” Гандшина, Гандшина-историка, – той ноты, которую он нес в свои (западно)европейские диалоги, передавал коллегам и ученикам вплоть до середины 1950-х годов. Учитывая масштабность фигуры ученого, его влияние на западное академическое музыкознание XX века, а равно и современный интерес к нему со стороны сразу нескольких культур, думается, имеет смысл изучить эти диалоги. Представленные материалы переписки с Ижини Англесом – лишь малая их часть.

LIST OF REFERENCES

- Anglès, H. (1931) *El Còdex Musical de Las Huelgas. Música a veus dels segles XIII-XIV*. I-III. Barcelona: Institut d'Estudis Catalans (Facsimile edition with commentary).
- Anglès, H. (1943-1964) *La música de las Cantigas de Santa María del Rey Alfonso X el Sabio. Facsímil, transcripción y estudio crítico*. I-II. Barcelona: Diputación Provincial de Barcelona – Biblioteca Central.
- Anglès – Handschin, 31.05.31 in HN.
- Anglès – Handschin, s.a. (1936?) in HN.
- Anglès – Handschin, 02.01.37 in HN
- Anglès – Handschin, 15.12.38 in HN.
- Bernadó, M. (2001) “Higini Anglès, musicòleg”, in *Catalunya música. Revista musical catalana* 197: 30–32.
- Черчилль, У. (2010а) *Війорая Мировая война*. 1. Надвигающаяся буря. Москва: Альпина нон-фикшн.
- Черчилль, У. (2010б) *Війорая Мировая война*. 2. Их звездный час. Москва: Альпина нон-фикшн.

- Cisteró, L., J. M^a (1999) “Anglès, Pamies Higinio”, in Casares E. (dir.) *Diccionario de la música española e hispanoamericana*, I: Madrid: Sociedad General de Autores y Editores, 467–470.
- Gómez, M. (1999) “Anglès (Anglés), Higinio (Higinio, Higiní)”, in Finscher, L. (Hg.) *Die Musik in Geschichte und Gegenwart. Personenteil*, I. Kassel-Basel-London-New York-Prag: Bärenreiter & Stuttgart-Weimar, Metzler, 726–728.
- Handschin, J. (1919) “Aus dem bolschewistischen Rußland”, *Neue Schweizer Zeitung* (28. August).
- Handschin, J. (1921) “Über Russland”, *Neue Schweizer Zeitung* 18 (12. Februar).
- Handschin – Anglès, 10. 05. 31 in HN, BC.
- Handschin – Anglès, 13. 10. 36 in BC.
- Handschin – Anglès, 12. 01. 37 in HN.
- Handschin – Anglès, 30. 05. 38 in HN.
- Handschin – Anglès, 11. 09. 38 in BC.
- Handschin – Anglès, 15. 09. 42 in BC, HN.
- Handschin – Bessler, ?? 03. 37 in HN.
- Handschin – Bessler. 09. 05. 37 in HN.
- Handschin – Bessler, 11. 02. 46 in HN.
- Handschin, J. (1948) *Musikgeschichte im Überblick*. Luzern: Verlag Räber & Cie.
- Handschin, J. (1957) “Belange der Wissenschaft”, in H. Oesch, (Hg.) *Gedenkschrift Jacques Handschin*, Bern-Stuttgart: Verlag Paul Haupt, 60–69.
- Kirnbauer, M., Zimmermann, H. (2000) “Wissenschaft in keimfreier Umgebung? Musikforschung in Basel: 1900-1960”, in A. Gerhard (ed.) *Musikwissenschaft – eine verspätete Disziplin? Die akademische Musikforschung zwischen Fortschrittsglauben und Modernitätsverweigerung*, Stuttgart & Weimar: Metzler, 321–346.
- Kнязева, J. (2004) “Jacques Handschin in St. Petersburg”, in T. Mäkelä, T. R. Klein (eds.) *Mehrsprachigkeit und regionale Bindung in Musik und Literatur. Interdisziplinäre Studien zur Musik*, 1. Frankfurt/M.: Lang, 49–57.
- Kнязева, J. (2011). *Jacques Handschin in Russland: Die neu aufgefundenen Texte*. Red. Kirnbauer, M. und Mosch, U. Basel: Schwabe Verlag (Resonanzen: Basler Publikationen zur älteren und neueren Musik. 1).
- Князева, Ж. (2011a) “Жак Гандшин в воспоминаниях Елены Агриколы”, *Сийаринная музыка* 3-4: 41–52.
- Князева, Ж. (2011b) “Жак Гандшин в Петербурге: у истоков мысли ученого-музыковеда”, *Известия Российской государственной педагогической университетей им. А. И. Герцена* 146: 127–136.
- Князева, Ж. (2011c) “Жак Гандшин о событиях 1917 года: советская Россия глазами ‘нейтрального швейцарца’” *Музыковедение* 8: 41–47.
- Князева, Ж. (2011d) “Из истории одной исчезнувшей диссертации”, *Opera Musicologica* 1(7): 40–76.
- Князева, Ж., Михайлов А. (2011) “Научное сотрудничество музыковеда Я. Я. Гандшина и физика В. И. Коваленкова: создание петроградской акустической лаборатории”, *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного Политехнического университета* 2 (124): 124–129.
- Lang, P. H. (1956) “Manfred F. Bukofzer (1910–1955)”, *Acta musicologica* XXVIII: 7–8.
- Охотина-Линд, Н. (1996a) “Рукописное наследие Валаамского монастыря XV—начала XVII веков”, *ИРЛИ (Пушкинский дом). Труды отдела древнерусской литературы*, 49, Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
- Охотина-Линд, Н. (1996b) Сказание о Валаамском монастыре, Санкт-Петербург: Глагол.
- Stroux, Ch. (1962) “Jacques Handschin: Index scriptorum”, in Ed. H. Anglès, G. Birkner [et al.] *In memoriam Jacques Handschin*, Strasbourg: P. H. Heitz, Argenorati apud: 2–26.
- Westrup, J. (1994) “Anglès, Higiní”, *New Grove Dictionary of Music*. Vol. 1. 1994: 428.

Jeanna Kniazeva

“TO BE STRONG AND CIVILISED AT THE SAME TIME
IS VERY DIFFICULT...” MUSICOLOGISTS ABOUT THE
POLITICS: JACQUES HANDSCHIN AND HIGINI ANGLÈS,
FROM THE CORRESPONDENCE OF THE 1930S

(Summary)

This article deals with the correspondence between two prominent European musicologists of the second quarter of the 20th century: Jacques Handschin (b. 1896, Moscow, Russia – d. 1955, Basel, Switzerland) and Higinì Anglès (b. 1888, Maspujols, Spain – d. 1969, Rome, Italy). A total of 182 letters from the period 1926 to 1954 are preserved today in two archives: the Handschin archive in the Institute of Musicology at the University of Würzburg, Germany, and in the National Library of Catalonia in Barcelona, Spain.

The article focuses on political matters discussed in the letters from the 1930s. At this time both musicologists were first hand witnesses of fundamental changes in the world politics, such as the unfortunate demise of the Weimar Republic and the installation of the Nazi government, the growing tensions inside France (due to the strengthening of the leftists) as well as the fear of its military power by its neighbours. The outbreak of the Spanish civil war was at the same time the beginning of a long warlike period, which Winston Churchill called the ‘Twilight War’.

Both Handschin and Anglès were musicologists, not political scientists, but their comments on political matters have enabled me to paint their intellectual and historical profiles. Also, during this period both scholars were protagonists of significant changes in scientific structures: in the International Musicological Society (IMS), where Anglès acted as Vice President and Handschin was a board member, and in the Institute of Musicology at the University of Basel, directed by Handschin. Therefore their political opinions led directly to developments in their discipline.

Handschin and Anglès discussed at length the events of the Spanish Civil War. Although both of them were on the side of the Nationalists and General Franco, disagreements occurred. Their differences of opinion were rooted in the difference between their views of France and Germany: Anglès, who was trained in the German scientific tradition and who passed the years of the Civil War in Munich, was anti-France and accused France to be guilty of the conflict in Spain. The Francophile Handschin did not agree: for him France was one of two main cradles of European culture, while the other one was the so-called European East (including Russia). He followed attentively what was going on in the East and he wrote to Anglès already in 1942 that the outcome of the siege of Moscow would be important for the future. In his view the connection between France and Eastern Europe (i.e. Russia) constituted the base of European culture; in this respect he was opposed to Anglès, who favoured German culture. This view was Handschin’s very specific “intonation” in the scientific musicological circles of the 1930s.

Submitted 22 April, 2016

Accepted for Publication 24 May, 2016

Original scientific paper.